

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213>

<https://elibrary.ru/KHZLVO>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Александр Блок: опыт историографии Февраля (по материалам архивных разысканий)

© 2025, Е.И. Гончарова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются результаты деятельности А. Блока в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства. Исследователи обращались к изучению этого периода в биографии поэта, однако тема в настоящее время далека от исчерпывающего освещения. Анализируется работа поэта в ЧСК главным редактором стенограмм допросов высших сановников царского режима и выявляются документальные источники очерка «Последние дни императорской власти». Впервые публикуется автограф со списком документов к главе отчета «Последние дни старого режима». Рассматриваются условия задания, полученного поэтом, в виде написания главы отчета ЧСК Учредительному собранию. На основе изучения материалов фонда ЧСК, личных фондов Блока в Пушкинском Доме и в РГАЛИ обосновывается вывод, что в работе над очерком поэт опирался на стенограммы допросов президиума ЧСК и на весь комплекс следственных материалов. Анализируются автографы с выписками из стенограмм допросов, включающие характеристики представителей «темных сил», входивших в ближайшее окружение царской семьи — конфиденстки императрицы А.А. Вырубовой, дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова. На основе личных записей поэта анализируется его отношение к Февральской революции.

Ключевые слова: Февральская революция, Чрезвычайная следственная комиссия, Временное правительство, биография А. Блока, очерк «Последние дни императорской власти», редактор, документы, стенограммы.

Информация об авторе: Елена Ивановна Гончарова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: el-goncharova@yandex.ru

Для цитирования: Гончарова Е.И. Александр Блок: опыт историографии Февраля (по материалам архивных разысканий) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 191–213. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213>

Исследователи не раз обращались к изучению обстоятельств и результатов деятельности Блока в Чрезвычайной следственной комиссией (далее ЧСК)¹ Временного правительства, однако и в настоящее время тема далека от исчерпывающего освещения². Это касается не только непосредственной работы Блока в Комиссии в качестве редактора, а затем и главного редактора стенограмм допросов подследственных и привлеченных к дознанию лиц, но и выявления комплекса документальных источников будущего очерка³. Между тем два упомянутых аспекта изучения общественной и творческой биографии поэта связаны между собой самым тесным образом.

Решение связать ближайший период своей жизни со службой в учрежденной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссией удалось Александру Блоку не сразу. Оказавшись в отпуске в революционном Петрограде в марте 1917 г., угнетенный «бестолковым» пребыванием в прифронтовом тылу, в должности табельщика инженерно-строительной дружины, поэт застал в столице атмосферу общественного подъема и надежд на кардинальные перемены в существовавшем порядке. Эти настроения захватили поэта, воспевавшего идею «возмездия» старому миру еще до его крушения. Симпатии Блока, при всей «аморфности» его тогдашних мировоззренческих представлений [19, с. 250], были всецело на стороне «революционного народа» и «победившей демократии». Однако активно погружаться в водоворот общественно-политических событий Блок не спешил. Поэту понадобилось время для вживания в новую обстановку, прежде чем он смог сделать осознанный выбор в пользу безоговорочного служения «революции». Причины раздумий раскрыты Блоком в личных записях и письмах к близким ему людям: положение военнообязанного не позволяло поэту строить планы вне его пребывания в дружине. Поиски возможных альтернатив военной службе не приносили результатов. Все занимавшие его в этой связи помыслы были так или иначе связаны со стремлением вернуться к своему «настоящему» делу — литературному творчеству: «Мне

¹ Полное название: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств.

² См.: [15, с. 76–86; с. 220–222; 20, с. 298–365; 21, с. 467–514]; [12].

³ См.: [2, с. 324–343; 3, с. 432–451; 25, с. 113–129].

надо заниматься *своим делом*, надо быть внутренне свободным, иметь время и средства для того, чтобы быть художником» (ЗК49, л. 2 об.)⁴. Однако возможности для реализации этого намерения в ближайшем будущем для Блока не предвиделось.

Несколько дней спустя после появления в Петрограде Блок получает предложение — через временное откомандирование из дружины перейти на службу в ЧСК; однако поэт, рассчитывавший на более предпочтительный вариант освобождения от военной службы, не откликнулся на это предложение. Лишь исчерпав в бесплодных поисках отпущенный ему лимит времени он отзывается на повторный запрос из ЧСК и входит в деловые отношения с её председателем, известным московским присяжным поверенным и общественным деятелем Н.К. Муравьевым. Результатом коротких переговоров стал переход Блока в группу литературных редакторов при ЧСК. 8 мая 1917 г. Блок уже занят ознакомлением с находившимися в распоряжении следствия материалами. Так началось второе «служебное» полугодие (до начала декабря 1917 г.) в жизни поэта, не оставившее, на первый взгляд, заметных следов в его художнической биографии и продлившее еще на несколько месяцев и без того затянувшуюся «творческую паузу».

Вместе с тем, будет ошибкой предположение, что повседневная рутинная работа, связанная с редактированием обширного, уникального по исторической значимости документального комплекса, ничего не дала поэтическому сознанию Блока. Внимательное изучение характера и особенностей его литературного труда, анализ его оценок наблюдаемого и суждений по поводу узнаваемого со всей убедительностью свидетельствуют о подспудно происходившем процессе непрерывного обогащения творческой мысли поэта и укреплении в нем «тираноборческих» настроений, которые затем найдут свое мировоззренческое и образное отражение в послереволюционных произведениях.

Однако первым итогом творческих усилий Блока по разработке следственных материалов ЧСК станет подготовленный им на документальной основе очерк «последних дней» старого режима, первоначально представлявший собой один из разделов обширного отчета ЧСК Учредительному собранию, и лишь со временем обретший

⁴ В связи с привлечением фрагментов, не публиковавшихся ранее в издании, подготовленном В.Н. Орловым (Блок А. Записные книжки: 1901—1920. М., 1965), записные книжки цитируются по автографам: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 360 — ЗК₄₉; № 361 — ЗК₅₀; № 362 — ЗК₅₂; № 363 — ЗК₅₃. Далее — в тексте статьи: ЗК, с указанием номера и листа.

форму самостоятельного законченного произведения «Последние дни императорской власти».

По обстоятельствам времени и условиям выполнения порученной ЧСК задачи творческий путь Блока к написанию очерка не мог оказаться простым, так как изначально предполагал принципиально новую для поэта целевую установку — не на привычное ему самостоятельное (индивидуальное) художественно-образное воспроизведение действительности, а на выполнение строго определенных, идеологически заданных предписаний, в которых не могло быть места ни субъективным оценкам, ни привнесенному личному осмыслению фактов. Тем важнее было для автора очерка опираться в своем изложении на строго документированные данные. Для выполнения последнего условия у Блока имелась вполне реальная возможность, так как со временем в его распоряжении оказался практически весь комплекс следственных материалов ЧСК. Сложнее обстояло дело с совпадением общественно-политических ориентиров. Пестрый состав новой верховной власти не способствовал росту осознания политической программы её действий, а одного разделяемого «революционного пафоса» для глубокого понимания совершавшихся на глазах событий явно не доставало. «Я не имею ясного взгляда на происходящее, — признавался поэт в апреле 1917 г., — тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я художник, т<о> е<сть> свидетель» (ЗК49, л. 3). Став непосредственным участником поистине исторических перемен, Блок отразит (в том числе и свое) их осмысление в подготовленном им «обвинительном акте» старой власти, где выступит не только в роли фактографа и летописца наблюдаемого, но и подкрепит изложение собственным авторитетом очевидца и «свидетеля истории».

Творческим усилиям Блока по написанию главы отчета предшествовала продолжительная литературно-техническая подготовка, включавшая в себя редакторскую обработку следственного материала (расшифрованных стенограмм допросов подследственных и показаний свидетелей), ознакомление с комплексом привлеченных к дознанию документов (в их оригиналах), накопление соответствующих выписок, выдержек, заметок (в том числе по результатам личных наблюдений), составление вспомогательных хронологических, служебных таблиц и проч. Уже приступив к литературной шлифовке первого материала — стенограммы допроса бывшего министра внутренних дел Н.А. Маклакова, Блок ощущает потребность сохранить в записях для себя не только свое восприятие узнаваемого, но и саму

фактическую, содержательную основу показаний. К работе над протоколами допросов Блок подошел с представлениями человека, чье сознание формировалось не только собственными наблюдениями и выводами, но и в значительной степени под влиянием циркулировавших в обществе мнений и оценок действительности. В этой связи показателен его очевидный интерес к теме так называемых «темных сил», т. е. к сведениям о Г.Е. Распутине, его ближайшем окружении и влиянии этих «сил» на императорскую фамилию⁵. В первый же день занятий в ЧСК (8 мая) Блок отмечает в записной книжке: «...прошу Вырубову» (ЗК49, л. 13). Повышенное личное внимание к допросу конфиденстки императрицы весьма показательно: Анна Вырубова рассматривалась ЧСК как главная соучастница инкриминируемых высочайшим особам и ряду должностных лиц «преступлений». Блок не просто знакомится с доступным ему материалом, но посещает 12 мая узницу в каземате Петропавловской крепости, а затем делает для себя выписки о ней на отдельных листах — пока, вероятно, просто для памяти, чем с ясно сознаваемой творческой целью. Примечательно, что все суждения его о личности арестованной выдержаны в негативной тональности:

В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды <...> Она считает себя *православной*, твердо считает. Как<ая> же интересная комбинация, если она, действит<ельно>, как говорят, жила с Николаем II⁶.

Обращает на себя внимание категоричность оценки признаний Вырубовой на допросе и ссылка на слухи («как говорят») в качестве аргумента для возможного сомнения в достоверности показаний последственной.

Многие из задержанных оказались в Петропавловской крепости без предъявления им обвинений и постановления судебной инстанции на арест. Они содержались в крайне тяжелых условиях. Красноречивым свидетельством невыносимой тюремной обстановки и полной незащитности заключенных перед произволом «охранявшего» их «революционного гарнизона» являются воспоминания той же Вырубовой, описывавшей ужасы пребывания в одиночной камере Трубецкого бастиона: «...вокруг на каменном полу — лужи воды, по стенам текла вода, мрак и холод; крошечное окно у потолка не пропускало ни света, ни воздуха, пахло сыростью и затхлостью. <...> солдаты

⁵ О расследовании ЧСК деятельности «темных сил» см.: [10, с. 3–15].

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 6. Л. 8, 10.

сорвали тюфячок с кровати, убрали вторую подушку и потом начали срывать с меня образки, золотые кольца. <...> один из солдат ударил меня кулаком, и, плюнув мне в лицо, они ушли, захлопнув за собой железную дверь» [27, с. 192–193]. После завершения работы над стенограммой допроса подследственной Блок вместе с Муравьевым снова посещает Вырубову в камере и по-прежнему не находит для беспомощной больной женщины слов сочувствия. «...эта блаженная потаскушка и дура, — пишет он матери на следующий день, — сидела со своими костылями на кровати», в ней ему виделось лишь «что-то ужасное» [6, с. 497].

Основная работа по допросу задержанных велась специальными следственными частями ЧСК⁷. Рассмотрение деятельности «темных сил» было возложено на следственную часть № 13, получившую и свое название по выполняемой задаче: «Обследование деятельности темных сил». Центральными фигурами расследования этого подразделения ЧСК был Г.Е. Распутин, убитый в декабре 1916 г., считавшийся олицетворением «темных сил», вдохновлявшим самодержавную власть. С возглавлявшим работу отдела следователем В.М. Рудневым Блок имел неоднократные беседы. «Замечательные рассказы Руднева о Распутине (специалист по “темным силам”)». <...> Ни с императрицей, ни с Вырубовой он не жил. <...> Следователь — русский, бородастый — тяготеет “темными силами”», — отметил он 8 июня [5, с. 213].

Протоколы следователей (наряду с попадавшими в распоряжение ЧСК многочисленными официальными документами) выборочно оглашались во время допросов, проводившихся президиумом ЧСК; получал их для ознакомления и Блок. Так, А.А. Вырубова допрашивалась, по её словам, в следственной части «15 раз, по четыре часа каждый раз» [27, с. 203], тогда как Блок редактировал единственный её допрос, который проводил 6 мая 1917 г. президиум ЧСК во главе с Муравьевым. Эта подписанная Блоком стенограмма на 39 страницах машинописи (с обложкой) сохранилась в личном фонде поэта в Пушкинском Доме⁸. Подчеркнем еще раз, что Блок присутствовал только на допросах подследственных и свидетелей, которые велись президиумом ЧСК.

Не проходит Блок мимо и другого представителя «темных сил» — дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова. Расшифрованная стенограмма его допроса также попала к Блоку на редакторскую обработку и, как в случае с Вырубовой, перед началом своего труда

⁷ О следственных частях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства см.: [11, с. 78–83].

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 57.

он заходит в камеру к задержанному, а затем фиксирует свое впечатление от знакомства с ним: «...это ничтожное довольно существо, не похож на командира гусарского полка, но показания его крайне интересны» [6, с. 497]. В записных книжках Блока сохранилась запись с указанием номеров камер этих узников: «70 *Вырубова*, 71 *Воейков*» (ЗК52, л. 17 об.). В процессе редактирования стенограммы допроса Воейкова, состоявшегося 29 апреля, у Блока также формируется негативное отношение к подследственному, которому он дает вполне уничижительную характеристику:

Генерал-майор Воейков убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что интересует спрашивающих⁹.

К числу первых документов, с которыми пришлось познакомиться Блоку в самом начале его служебной деятельности, относится комплекс ценных в политическом и историческом отношении материалов из архива императорской фамилии, включая личную переписку Николая II. По свидетельству современника, император сам подготовил её для передачи в ЧСК, разложив письма и документы по конвертам и надписав их [24, с. 8]. Под впечатлением прочитанного Блок после первого дня службы сообщал матери: «Сейчас читал собственноручную записку Николая II к Воейкову, о том, что он требует, чтобы газеты перестали писать “о покойном Р” <Распутине>. Почерк довольно женский — слабый; писано в декабре. Его же — телеграмму, чтобы прекратить дело Манасевича-Мануйлова. Скучный господин» [6, с. 492–493]. Запись для памяти от 25 мая: «Я читал телеграммы царя и царицы — взаимно любящие» (ЗК49, л. 31) и в дневнике от 2 июня: «Письма царя, царицы, Штюмерра, Илиодора...» [5, с. 211–212].

Блок, вероятно, сам выбирал «кандидатов», чьи показания ему предстояло редактировать. Возможно, такая свобода действий стала следствием повышенного доверия руководителей ЧСК к работе поэта. Входившая в состав редакторской группы Л.Я. Гуревич отмечала, что «в противоположность некоторым другим, Блок постоянно появлялся в помещении Комиссии и принимал в ее делах самое активное участие» [13, с. 846]. Пометы в записных книжках и дневнике того времени позволяют предположить, что с самого начала службы

⁹ Там же. № 6. Л. 2.

в ЧСК Блок не ограничивал свою деятельность литературным редактированием, но вполне сознательно стремился быть полезным в исполнении и других функций. Так уже 13 мая он отметил: «...говорил с Муравьевым <...> Муравьев предложил мне, когда он будет обходить камеры, сопутствовать ему в кач^естве секретаря, а в понедельник, перед допросом Белецкого, присутствовать на допросе Горемыкина» (ЗК49, л. 15 об.). На допросы в Петропавловскую крепость президиум ЧСК выезжал в полном составе, и накануне, 12 мая, Блок получает документ, позволявший ему посещать Петропавловскую крепость и принимать участие в проводившихся там допросах задержанных:

Удостоверение

Дано сие состоящему при Чрезвычайной Следственной Комиссии Александру Александровичу Блоку в том, что ему по служебной надобности разрешается пропуск в Петроградскую крепость на время заседаний Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Председатель Комиссии Н. Муравьев.

Секретарь Э. Лесневский¹⁰.

Впервые поэт окажется в Трубецком бастионе на допросе бывшего директора департамента полиции С.П. Белецкого, также подозревавшегося ЧСК в тесных связях с «темными силами». В тот же день он завел отдельную записную книжку — специально для занесения в нее выдержек из проводимых в крепости допросов. Подробные письменные показания Белецкого, изложенные им по личной инициативе, дополняют стенограммы допросов, а позже станут для Блока одним из важных документальных источников при работе над составлением Очерка.

Содержимое записей «крепостной» книжки позволяет проследить работу творческого сознания поэта, отмечавшего в своих заметках многое из того, что ускользало от внимания людей, не наделенных наблюдательностью художника. «Передо мной Белецкий, умный дир^ектор деп^артамента полиции, недавний, на чьей совести есть преступления <...> он рассказал много интересного, но не признался ни в чем» (ЗК50, л. 5, 15). Характерно, однако, что, как и в случае с Вырубовой, Белецкий, несмотря на твердость занятой им в отношении обвинений позиции и отсутствие склонности к самооговору, всё равно предстает в восприятии поэта как преступник, хотя вина его еще никак не доказана. Внимание Блока не привлекает существо самих

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 7. Л. 1.

разбирательств, хотя он подробно фиксирует в отдельной записной книжке целых четыре допроса подследственного. «...В течение 5 с лишним часов с небольшим перерывом присутствовал на допросе директора департамента полиции Белецкого, которого тоже возьму себе», — пишет он матери, отмечая важность происходившего [6, с. 494]. Позже, просматривая еще раз содержание допросов Белецкого, Блок сделает в одной из сводных служебных таблиц (отражавших ход работы над стенограммами) констатирующие пометы: «ничего», «ничего для меня»¹¹, позволяющие отнести их появление ко времени подготовительных трудов по сбору материала для написания порученной ему главы отчета ЧСК.

Отношение Блока к попавшим в Крепость при новой власти «бывшим» было однозначно критическим. Для него они — всего лишь арестованные «пошляки» [1, с. 620], «подонки общества» [6, с. 480]. Без видимого сострадания, если не сказать с презрением, описывает он обход «клиентов» ЧСК в крепости: «Были “раздирающие” сцены. <...> Есть среди них твердые люди, к которым я чувствую уважение (Макаров, Климович), но большей частью — какая все это старая шваль! Когда они захлебываются от слез или говорят что ниб. очень для них важное, я смотрю всегда с каким-то особенным внимательным чувством: революционным» [6, с. 505]. Глупым и жалким представляется поэту поведение бывшего директора департамента полиции К.Д. Кафафова («дрожит и плачет, что сойдет с ума») [6, с. 497]. На этом крайне тяжелом психологическом фоне кажется более чем неуместной жестокой насмешкой смакование Блоком «эстетических» впечатлений от увиденного. Подводя итог одному из своих обходов тюремных казематов, он пишет: «...надеюсь, что еще пойду, навещу всех главных обитателей Трубецкого бастиона. Очень красивы на некоторых из них синие халаты со стоячими воротниками» [6, с. 497].

Сомнений в правовой обоснованности деятельности ЧСК у Блока не возникало. Поэт не разделял мнение приглашенных в Комиссию юристов, что правовые нормы священны в любых обстоятельствах. В такой позиции он усматривал «не всегда уловимую тягу к контрреволюции» [6, с. 501]. М.В. Бабенчиков, редактор ЧСК с осени 1917 г., вспоминал: «Помню, как Ал.Ал. “укорял” меня за недопустимую словесную “мягкость” в отношении к некоторым “жертвам” старого режима. Лично сам Блок в этом смысле не знал “пощады”, веря в точность и непреложность исторического возмездия» [4, с. 53].

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26.

В архиве Блока отложились копии документов, которые своим фактическим содержанием могли бы скорректировать изначально предвзятое отношение поэта к «бывшим». Так, среди прочего, он хранил выписку из расследования ЧСК «сомнительной деятельности» императрицы, которую раздраженное против неё общественное мнение обвиняло в государственной измене¹². И хотя вполне клеветнические измышления не подтвердились, Блок продолжал верить порочащим слухам, не находя для жертвы политических инсинуаций иных чувств, кроме насмешливой иронии с оттенком злорадства. «*Frau Alexandra Romanow*, — сообщал он матери вскоре после начала службы в ЧСК, — получила наивное немецкое письмо погостить в каком-то замке в Германии. Конечно, письмо это получили мы, а не она» [6, с. 498].

Между тем, доказательно подтвердить фактами прозвучавшие в устах Н.К. Муравьева в июне 1917 г. на первом съезде Советов громогласные заявления о несомненной виновности подследственных [14], оказалось не просто. В ходе политически ангажированного разбирательства постепенно отпали, одно за другим, обвинения в государственной измене, казнокрадстве, аморальном поведении. Из-за несогласия с деятельностью Комиссии ее в разное время покинули заместитель председателя ЧСК С.В. Завадский, члены президиума прокуроры А.Ф. Романов и Б.Н. Смиттен, следователь В.М. Руднев. И хотя собрать против подследственных надежную доказательную базу их политических или криминальных проступков явно не удавалось, Блок в целом продолжал упорно держаться вполне определенной «умственной позиции» [1, с. 629] и его взгляды на «старый режим» и его верховных представителей не претерпели существенных изменений за время службы в ЧСК. Рассуждая о предстоящем отчете Комиссии Учредительному собранию, Блок останавливается на форме именно политического доклада как наиболее подходящей для проведения вполне определенной, заранее заданной обличительной тенденции. Отчет видится ему как «сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом)» [5, с. 236].

И всё же было бы упрощением утверждать, что наблюдаемые Блоком события, включая деятельность самой ЧСК, не подвергались им критическому осмыслению. Несмотря на энтузиазм по поводу свержения монархии в России, события, беспрецедентного по своей исторической значимости, обостренный слух художника улавливал в «музыке революции» отчетливые диссонансы. Довольно быстро поэтом овладевают сомнения в определении существа наблюдаемых

¹² РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 39.

им событий. «Если даже не было революции, т. е. то, что было, не было революцией, если революц<ионный> народ действительно только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только углубляет русскую трагедию», — не без горечи писал Блок о возникших сомнениях уже 26 мая (ЗК49, л. 36). Революция — или прозаический политический переворот? глубинные сдвиги в сознании людей или тривиальная смена «верхов»?

Процесс переосмысления наблюдаемого начался с критического восприятия очевидного — общественного поведения новых политических деятелей. Отношение Блока к оказавшимся у власти партийным лидерам постепенно становится всё более скептическим. «Любимец Февраля» и тогдашний глава Временного правительства А.Ф. Керенский вызывал у Блока иронию (его речь полна «лирики, слез, пафоса») [5, с. 247]. Лидер кадетов весьма напоминал ненавистный поэту тип буржуа. Блок слушал его показания 4 августа и вынес из своего наблюдения не самое лестное впечатление: «Пришел Милюков, начали его спрашивать (розовый, гладко выбритый и сделанный подбородок, иронически кривящиеся усы, припухшие глаза, розовые пальцы с коротко обстриженными ногтями, мятый пиджачок, чистое белье)» [5, с. 243]. Примечательно, что именно с речи Милюкова, прозвучавшей 1 ноября 1916 г. на открытии заседаний (последней) IV Государственной думы, Блок собирался хронологически начать свой Очерк «последних дней старого режима» [5, с. 243]. Тогда с думской трибуны прозвучали шокирующие обвинения высшей власти в государственной измене, а за самой речью тогда же «установилась репутация штурмового сигнала к революции» [18, с. 445]. Делая на отдельных листах для себя выписки из показаний Милюкова, Блок отметил: «Речь 1 ноября — стр. 32, материалы для нее»¹³. Вместе с тем, поэт был осведомлен, что в ходе расследований ЧСК выдвинутые лидером кадетов обвинения подтверждения не получили. Возможно, с учетом этого обстоятельства Блок в дальнейшем отказался от мысли сдвинуть в очерке повествование именно к ноябрю и отдал предпочтение временному рубежу более общего характера — «на исходе 1916 года» [22, с. 7]. Как бы то ни было, итогом размышлений Блока могло стать известное переосмысление существа февральских событий и как следствие появление в названии заключительной главы очерка определения: «Переворот». Именно «переворот», а не Революция.

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 15. Л. 1.

Положенная в основу деятельности ЧСК политическая доминанта с нескрываемой обвинительной тенденцией заставляет задуматься и над вопросом о степени редакторского вмешательства в текст расшифрованных стенограмм и обоснованности предпринимавшейся литературной правки. Сомнения в точности записей стенографисток, аутентичности расшифровок текста допросов и отредактированного варианта предназначавшихся к публикации стенограмм возникали. Член президиума ЧСК А.Ф. Романов писал впоследствии: «Будущий исследователь должен, однако, отнестись к этим стенограммам с особенной осторожностью. Они никем не подписывались, никому из допрошенных предъявляемы не были и редактировались четырьмя литераторами, в числе коих был и Блок, впоследствии певец большевизма, написавший гнусную поэму “Двенадцать”» [24, с. 37]. Лейб-хирург Императорского двора Г.Е. Рейн также отмечал, что стенограммы не показывались допрашиваемым и не подписывались ими. «Просьба моя о предъявлении мне стенографической записи допроса не была удовлетворена. Председатель Комиссии заявил, что по прочтении им стенограммы я буду еще раз приглашен для дальнейших разъяснений. Но вторичного приглашения не последовало» [23, с. 292–293]. Прочитав стенограмму своего допроса, опубликованную в пятом томе издания «Падение царского режима», вышедшем в 1926 г., он писал, что стенограмма требует значительных поправок: «Я обнаружил в нем ряд неточностей, неправильных передач мысли, различных недомолвок и умолчаний. Видимо, и редакторский карандаш не отличался подобающим беспристрастием» [23, с. 293]. Между тем, именно тексты отредактированных при участии Блока стенограмм будут воспроизведены в семитомном издании П.Е. Щеголева «Падение царского режима»¹⁴. Как показала выборочная сверка опубликованных документов с редакторской правкой Блока, тексты после его работы не подвергались дополнительным изменениям со стороны Щеголева. Однако объективный ответ на вопрос о том, в какой степени расшифрованные стенограммы несли на себе следы идеологической правки, возможен только по результатам проведения фронтальной сверки напечатанных текстов с исходными записями стенографисток.

В целом, Блок проделал, несомненно, колоссальную работу по литературной обработке стенограмм и овладел собранными ЧСК материалами в большей степени, чем кто-либо из членов Комиссии.

¹⁴ Примечательно, что П.Е. Щеголев в названии издания «Падение царского режима» остался в рамках смысловой парадигмы Тарле — Блок, сообщив названию книги очевидный дублетный характер.

Помимо уже упомянутых, он редактировал стенограммы допросов — члена Совета министра внутренних дел С.Е. Виссарионова, последнего военного министра М.А. Беляева, лейб-хирурга Е.Ф. Рейна, государственного секретаря С.Е. Крыжановского, министра императорского двора В.Б. Фредерикса, сенатора И.М. Золотарева, московского городского головы М.В. Челнокова, главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Н.И. Иванова, министра внутренних дел А.Н. Хвостова, министра юстиции Н.А. Добровольского, главноначальствующего Отдельным корпусом жандармов А.А. Хвостова, товарища министра внутренних дел В.М. Волконского, управляющего делами министерства внутренних дел И.Н. Лодыженского, руководителя «Союза русского народа» Н.Е. Маркова, товарища министра иностранных дел А.А. Нератова, сенатора А.Н. Веревкина, А.И. Гучкова, придворного историографа Д.Н. Дубенского, члена Государственной думы А.И. Шингарева, основателя партии кадетов Ф.А. Головина¹⁵. А в начале июня он получает от Н.К. Муравьева задание «привести в порядок» все имеющиеся стенограммы (ЗК52, л. 25 об.), что дало ему возможность просмотреть и ознакомиться с содержанием всех восьмидесяти восьми проведенных президиумом ЧСК допросов. Обработанный и упорядоченный Блоком материал стал стержневой документальной основой будущего Очерка.

Черновой автограф «Последних дней старого режима» сохранился в архиве поэта в Пушкинском Доме. На обороте одного из листов рукописи имеется запись, раскрывающая состав привлеченных для написания Очерка документальных материалов:

[Источники.

88 стенографических отчетов допросов, произведенных “Чрезвычайной Следственной Комиссией”.

Записки арестованных членов царского правительства, писанные в Петр<опавловской> Крепости (глав<ым> образом, Записки Протопопова и Белецкого)]¹⁶.

Заголовок «Последние дни старого режима» впервые встречается в предложенном историком Е.В. Тарле в конце июля или в самом начале августа 1917 г. плане отчета ЧСК Учредительному собранию как название одного из его разделов [15, с. 81–82]. После многочисленных совещаний и обсуждений в специальной подкомиссии по составлению отчета по главе с академиком С.Ф. Ольденбургом

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26.

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 20.

написание этой важнейшей части «обвинительного акта» «300-летнему режиму» было доверено Блоку [5, с. 227]. Свое представление о содержательном составе отчета и его стилистической коннотации он изложил в записи, сделанной на заседании в Зимнем дворце еще 20 июня:

Он должен соединить в себе деловую точку зрения с революционным призывом. Отчет, пользующийся тщательно проверенным материалом, добытым в течение работы комиссии, должен быть проникнут весь, с начала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней (ЗК52, л. 51).

К «предварительному» этапу труда Блок приступает 2 августа. Промежуточным итогом сложной и кропотливой работы стала подготовленная им на основе газетных сообщений «общественно-политическая хронология» — объемная рукопись, получившая название «Сводка событий с сентября 1916 года по 26 февраля 1917 года»¹⁷. Одновременно с работой над хронологической канвой Блок обдумывал план написания своего раздела в отчете и 19 августа представил Е.В. Тарле план главы «Последние месяцы <так!> старого режима» [5, с. 248]. Автограф сохранился в архиве ЧСК¹⁸. Здесь же отложились планы статей других сотрудников, привлеченных к написанию отчета. Общее политическое введение поручалось подготовить самому Е.В. Тарле; автограф с краткими тезисами введения также представлен в архивном собрании документов ЧСК¹⁹.

Позже Блок подготовил общий список необходимых для составления порученной ему главы документов. Автограф не имеет датировки, но судя по упоминанию второго допроса П.Н. Милюкова (допрос состоялся 7 сентября) Блок начал готовить этот документ позже этой даты. Приводим текст этого документа:

К последним дням.

Телеграммы Хабалова, Беляева — у Южика-Компанейца <так!>. Свид<етельские> показания (гл<авным> о<бразом>, о пулеметах). Всподданнейший доклад М.В. Родзянко 10 февраля 1917 года.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 28; опубли.: [7, с. 233–285].

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. № 222. Л. 7–7 об.

¹⁹ Там же. Л. 39.

Секретное письменное объяснение Н.А. Маклакова Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии 23 августа 1917 г. (в Петропавловской Крепости).

Письмо Д. Дубенского 28 февраля к С.П. <Фёдорову>.

(Дальше Тосны поезда не пойдут).

Записка конца 1916 г. из кружка Римского-Корсакова («Так как в настоящее время...»).

Объяснительная записка к пункту II ее («Будет ли собрана Государственная Дума в январе...»).

Записка председателя главного совета патриотического Союза Орлова — о Государственной Думе и политическом устройстве России. Надпись: «Я очень прошу дорогую Анну Александровну просить доложить»²⁰.

Записка Белецкого о необходимости принятия мер по продовольствию (отправлена Вырубовой в Царское).

Рапорты начальника охранного отделения и директора департамента полиции Протопопову перед 14 февраля.

Письмо Штюмерера и председателя Государственной Думы 31 октября 1916 г.

Записка Говорухи-Отрока, переданная им Маклакову.

Доклад Трепова царю 26 XI 1916 г.

(«Несмотря на сочувственное отношение Государственной Думы...»).

См. стенограмму Милюкова II, стр. 58 (полностью?).

Записка, представленная Голицыным через императрицу.

Записка, составленная Гурлядом <так!> и подписанная Протопоповым, посланная им императрице в конце 1916 года, по поводу письма Клопова.

Письменные показания Белецкого²¹ (вред рабочей группы — 2-е показание, стр. 28—37).

Письменные показания Протопопова.

[Камер]-фурьерский журнал (например, 10 февраля).

Думские стенограммы

Письменные показания Сазонова

Голицына

Дневник Дубенского

3 желтых листочка (10 вопросных пунктов Иванова Хабалову).

Объявление Хабалова 24 февраля

²⁰ Сбоку приписка: какое время?

²¹ Приписка сверху: пять?

Письмо в<еликого> кн<язя> Александра Мих<айловича> (?) к царю 25 XII–4 II 1917 года.

Представление князя Николая Голицына 13 февраля 1917 года.

Письмо Протопопова к Хабалову с резолюцией последнего 9 января 1917 г., № 173.

Изречения Распутина, в которых он рекомендует Протопопова, неизвестно кем занесенные на листки почтовой бумаги для передачи царю.

Записки Киевского отдела С<оюза> Р<усского> Народа, переданные царю Щегловитовым в январе.

Письмо Маклакова к царю 17 дек<абря> 1916 г.

Письмо Маклакова к царю 9 фев<раля> 1917 г.

Маклаковский проэкт манифеста о роспуске Думы в феврале.

Записка Бадмаева «на нескольких листиках», переданная Воейковым царю «в самое последнее время».

Доклады охранного отделения ми<нистру> в<нутренних> д<ел> 23 февраля (№ 5727), 25 фев<раля> (№ 5823), 26 февраля (№ 5865), 27 февраля (№ 5855).

Телегр<амма> царя императрице 28 II из Вязьмы.

Записка 26 февраля (4 стр<аницы>, начин<ается> словами: «В устройении возможности революц<ионными> деятелями»...).

Ведомость о происшествиях по гор<оду> Петрограду 27 II 1917.

Свод сведений о ходе рабочих беспорядков в Петр<огrade> (23–25 II). По 6-ти отделениям — на 18 листах.

Две телеграммы Хабалова Алексееву (25 и 26 II).

Две телеграммы Протопопова Воейкову (25 и 26 II).

Постановили использовать в тексте (следств<енная> ч<асть> № 10)²².

Все перечисленные материалы будут использованы в очерке; часть из них войдет в раздел «Приложения». Документы находились в распоряжении Следственной части № 10²³. На обороте чернового автографа очерка сохранилась помета о недополученных материалах (в начале записи упомянут следователь В.О. Ювжик-Компанеец):

«Не хватает:

Дело Ювжика-Компанейца (пулеметы).

Еще телегр<амма> Хабалова.

“Представление” кн<язя> Голицына 13. II 1917.

Запись Протопопова о посл<едних> днях»²⁴.

²² РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 30. Л. 2–5.

²³ Следственная часть № 10 занималась расследованием противозаконных по должности действий высших должностных лиц в их борьбе с народным движением в феврале-марте 1917 г. и делом о стрельбе полиции в февральские дни.

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 19 об.

Впервые опубликованный в журнале «Былое» в 1920 г. под заглавием «Последние дни старого режима» очерк сопровождался редакционным примечанием, в котором отмечалось, что фактическая часть его содержания основана на официальных показаниях и материалах, собранных в ходе расследования различными подразделениями ЧСК, а приводимые в тексте цитации (суждений, оценок и т. п.) заимствованы из подлинных документов. Помимо этого анонсировалась публикация в одной из ближайших книг «Былого» специальных документальных приложений к очерку, так, однако, и не появившихся в журнале [8, с. 3].

Отдельное издание очерка с несколько измененным заглавием «Последние дни императорской власти» и дополненное в виде приложений документальным материалом, вышло ровно через год — поздней осенью 1921 г., уже после кончины поэта. В заметке «От составителя» Блок еще раз подтвердил строго фактографический (документальный) характер книги и подчеркнул, что вся её «деловая часть» опирается на подлинные данные, в большей части своей еще не ставшие к тому времени достоянием печати [22, с. 5].

Читателями очерк был воспринят неоднозначно. Весьма критично отнесся к работе поэта историк В.Н. Сторожев, автор исследований о Февральской революции. Отметив обилие и общественно-историческую важность привлеченных документов, он упрекнул составителя в пренебрежении указанием на их местонахождение. «Будь даны на этот счет точные сведения, — писал историк, — и будь расширены некоторые выдержки, книжка в значительной степени выиграла бы, сделавшись, можно сказать, незаменимым источником» [26, с. 243].

Высказанные в адрес составителя отдельные критические замечания не снизили документальной ценности и исторической значимости проделанной Блоком работы, и в дальнейшем подготовленный им очерк воспринимался историками Февральской революции как в целом надежный первоисточник сведений о последних днях существования «старого режима». Особая важность признавалась при этом за разделом «Приложения», куда вошли шесть документальных материалов, предназначавшихся императору Николаю II: письмо великого князя Александра Михайловича; записка монархического кружка А.А. Римского-Корсакова и объяснительная записка к ней; письмо Н.А. Маклакова; совещание членов прогрессивного блока с А.Д. Протопоповым, последний всеподданнейший доклад председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Во всех этих содержательно ценных документах, хронологически относившихся к кануну Февральской революции, речь шла о надвигавшейся на историческую

власть в России политической катастрофе. Между тем, автографы вышеназванных материалов (кроме письма великого князя Александра Михайловича) до сих пор остаются не разысканными, в связи с чем их публикация Блоком в Приложении к очерку фактически придала им в настоящее время значение первоисточника²⁵.

Современники без труда увидели в идеологически заостренном содержании блоковского очерка желаемый (в том числе и вдохновителям деятельности ЧСК) «приговор» старому режиму. «Читатель убеждается, что самодержавие сгнило...», — констатировал в своей рецензии на издание Ив. Книжник [17, с. 443]. Существенной особенностью отдельного издания стало заявленное в нем изменение авторского статуса: поэт в 1921 г. «понизил» его до роли составителя. Относительно возможных побудительных к тому мотивов остается только строить предположения. В этой связи не лишним будет вспомнить, что основная подготовительная и творческая работа над очерком велась в то время, когда настроение поэта находилось под воздействием послереволюционной эйфории, а окончательное завершение очерк получал уже в пору крушения питавших Блока прежде романтических надежд. Еще в июне 1919 г. он оставляет исполненную пессимизма запись: «За рабовладельцем Лениным придет рабовладелец Милюков, или другой, и т. д.» (ЗК60, л. 39 об.), а рядом с крайне резким отзывом о Вырубовой («лгунья» и «отвратительна») позднее появится характерная помета: «Когда я это писал, *еще была революция*»²⁶. О каком кардинальном изменении сознания современников можно было продолжать мечтать, если высоко вознесенный Блоком «революционный народ» не смог разглядеть заурядную смену форм «рабовладения» под вывеской «победившей демократии». И был ли смысл Блоку заявлять о своей личной сопричастности к вынесению приговора одной форме самодержавной власти, когда на глазах поднималась и крепла — другая.

Литература

1. А.А. Блок и Л.Д. Менделеева-Блок: Переписка 1901–1917 / науч. ред. А.В. Лавров. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 720 с.
2. Александров А.С. О документальной основе очерка «Последние дни императорской власти» // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4. С. 324–343. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343>

²⁵ На приложения очерка, как на первоисточник, ссылается ряд исследователей: [9, с. 791; 16, с. 25].

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 6. Л. 5.

3. Александров А.С. «Я выбрал для пробы главу о Протопопове...»: Из истории очерка «Последние дни императорской власти» // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9. № 3. С. 432–451. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451>
4. Бабенчиков М.М. Ал. Блок и Россия. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 92 с.
5. Блок А.А. Дневник / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Гришунина. М.: Сов. Россия, 1989. 510 с.
6. Блок А.А. Письма к родным / предисл. М. Бекетовой. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 672 с.
7. Блок А.А. Последние дни Императорской власти / сост. С.С. Лесневский и З.И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 560 с.
8. Блок А.А. Последние дни старого режима // *Былое*. 1919 [1920]. № 15. С. 3–50.
9. Варун-Секрет С.Т. А.Д. Протопопов и последние дни Государственной думы / публ. А.А. Иванова и С.В. Машкевича // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 2. С. 774–796.
10. Варфоломеев Ю.В. «Прокаженная дворцовая камарилья»: исследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства // *Известия Саратовского университета*. Т. 10. Серия: История. Международные отношения. 2010. Вып. 1. С. 3–15.
11. Варфоломеев Ю.В. Следственные части Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // *Известия Саратовского университета*. Т. 9. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Вып. 1. С. 78–83.
12. Гончарова Е.И. Летописец последних дней императорской власти (А.А. Блок в работе над документами Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // *Русская литература*. 2025. № 1. С. 113–135.
13. Гуревич Л.Я. Из воспоминаний о Блоке // *Литературное наследство*. М.: Наука, 1982. Т. 92, кн. 3. С. 839–849.
14. Доклад Муравьева // *Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов*. 1917. 18 июня. № 95. С. 4–7.
15. Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 604 с.
16. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России 1911–1917. М.: Росспэн, 2001. 464 с.
17. Книжник Ив. <Рец.> Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Петербург. 1921. Изд. Алконост // *Красная летопись*. 1922. № 2/3. С. 443–445.
18. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 598 с.
19. Минц З.Г. Поэма «Двенадцать» и мировоззрение А. Блока эпохи революции // *Ученые записки Тартуского государственного университета: Труды по русской и славянской филологии*. Тарту: Тартуский ун-т, 1960. Вып. III. С. 247–278.
20. Перегудова З.И. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А.А. Последние дни Императорской власти / сост. С.С. Лесневский и З.И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 298–365.

21. *Перегудова З.И.* Материалы Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Пути и выбор историка: К 80-летию профессора В.В. Шелохаева. М.: Росспэн, 2021. С. 467–514.
22. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.
23. *Рейн Е.Ф.* Из пережитого, 1907–1918: в 2 т. Берлин: Парабола, [1935]. Т. 2. 312 с.
24. *Романов А.Ф.* Император Николай II и Его Правительство: (По данным Чрезвычайной Следственной Комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 1–38.
25. *Спивак М.Л.* К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорской власти» А.А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный...Совет министров» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 113–129.
26. *Сторожев В.Н.* <Рец.> Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Изд. «Алконост», СПб., 1921 // Печать и революция. 1922. № 1. С. 243–244.
27. *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы моей жизни. СПб.: Царское дело, 2020. 320 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Alexander Blok: An Essay on the Historiography of the February 1917 Revolution in Russia

© 2025. Elena I. Goncharova

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the results of Alexander Blok's work in the Extraordinary Investigative Commission (EIC) of the Provisional Government. Researchers have addressed the study of this period in the poet's biography but the issue is currently far from exhaustive coverage. The article analyses the poet's work in the EIC as the chief editor of the transcripts of interrogations with the tsarist's highest dignitaries. It also identifies documentary sources for the essay "The Last Days of the Imperial Power." For the first time, an autograph with a list of documents for the chapter of the report "The Last Days of the Old Regime" is published. The article considers the conditions of the assignment received by the poet in the form of writing a chapter of the EIC report to the Constituent Assembly. Based on the study of the materials of the EIC fund, Blok's funds in the Pushkin House, and the Russian State Archive of Literature and Art, the research concludes that in working on the essay, the poet relied on the transcripts of interrogations of the presidium of the EIC and the entire complex of investigative materials. The article analyzes autographs with

extracts from interrogation transcripts, including characteristics of representatives of the “dark forces” who were part of the royal family’s inner circle — the empress’s confidante A.A. Vyubova, and the palace commandant General V.N. Voeikov. The poet’s notes allow us to reveal his attitude to the February Revolution.

Keywords: February Revolution, Extraordinary Investigative Commission (EIC), Provisional Government, Alexander Blok’s biography, essay “The Last Days of the Imperial Power,” editor, documental data, transcripts.

Information about the author: Elena I. Goncharova, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: el-goncharova@yandex.ru

For citation: Goncharova, E.I. “Alexander Blok: An Essay on the Historiography of the February 1917 Revolution in Russia.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 191–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213>

References

1. Lavrov, A.V., editor. *A.A. Blok i L.D. Mendeleeva-Blok: Perepiska 1901–1917* [A.A. Blok and L.D. Mendeleeva-Blok: Correspondence, 1901–1917]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 720 p. (In Russ.)
2. Aleksandrov, A.S. “O dokumental’noi osnove ocherka ‘Poslednie dni imperatorskoi vlasti’.” [“On the Documental Basis of A. Blok’s Essay ‘Poslednie dni imperatorskoi vlasti’ (‘The Last Days of Imperial Power’)”]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 324–343. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343> (In Russ.)
3. Aleksandrov, A.S. “‘Ja vybral dlia proby glavu o Protopopove...’: Iz istorii ocherka ‘Poslednie dni imperatorskoi vlasti’.” [“I Choose the Chapter About Protopopov for Testing...’ (From the History of A. Blok’s Essay ‘The Last Days of Imperial Power’)”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 432–451. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451> (In Russ.)
4. Babenchikov, M.M. *Al. Blok i Rossiia* [Alexander Blok and Russia]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’sтво Publ., 1923. 92 p. (In Russ.)
5. Blok, A.A. *Dnevnik* [Diary], text prep., introd. article and notes by A.L. Grishunin. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 510 p. (In Russ.)
6. Blok, A.A. *Pis’ma k rodnym* [Letters to Relatives], preface by M. Beketova. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2015. 672 p. (In Russ.)
7. Blok, A.A. *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti* [The Last Days of Imperial Power], comp. S.S. Lesnevsky and Z.I. Perehudova. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012. 560 p. (In Russ.)
8. Blok, A.A. “Poslednie dni starogo rezhima” [“The Last Days of the Old Regime”]. *Byloe*, no. 15, 1919 [1920], pp. 3–50. (In Russ.)
9. Varun-Sekret, S.T. “A.D. Protopopov i poslednie dni Gosudarstvennoi dумы” [“A.D. Protopopov and the Last Days of the State Duma”], publ. by A.A. Ivanov and S.V. Mashkevich. *Noveishaia istoriia Rossii*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 774–796. (In Russ.)
10. Varfolomeev, Iu.V. “‘Prokazhennaia dvortsovaia kamaril’ia’: rassledovanie deiatel’nosti ‘temnykh sil’ Chrezvychainoi sledstvennoi komissiei Vremennogo

pravitel'stva" ["'Leper Palace Camarilla': Investigation of the Activities of the 'Dark Forces' by the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Serii: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 10, no. 1, 2010, pp. 3–15. (In Russ.)

11. Varfolomeev, Iu.V. "Sledstvennye chasti Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva" ["Investigative Units of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Serii: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 9, no. 1, 2009, pp. 78–83. (In Russ.)

12. Goncharova, E.I. "Letopisets poslednikh dnei imperatorskoi vlasti (A.A. Blok v rabote nad dokumentami Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva)" ["Chronicler of the Last Days of Imperial Power (A.A. Blok in the Work on the Documents of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government)"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2025, pp. 113–135. (In Russ.)

13. Gurevich, L.Ia. "Iz vospominanii o Bloke" ["From the Memoirs of Blok"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92, book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 839–849. (In Russ.)

14. "Doklad Murav'eva" ["Muravyov's Report"]. *Izvestiia Petrogradskogo soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*, June 18, 1917, no. 95, pp. 4–7. (In Russ.)

15. Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni [Alexander Blok: The Last Years of His Life]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)

16. Kir'ianov, Iu.I. *Pravye partii v Rossii 1911–1917 [Right-Wing Parties in Russia, 1911–1917]*. Moscow, Rosspen Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)

17. Knizhnik, Iv. "<Rets.> Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok" ["Review of: The Last Days of Imperial Power. Compiled by Alexander Blok Based on Unpublished Documents. Petersburg. 1921. Alkonost Publishing House"]. *Krasnaia letopis'*, no. 2/3, 1922, pp. 443–445. (In Russ.)

18. Miliukov, P.N. *Vospominaniia [Memories]*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 598 p. (In Russ.)

19. Mints, Z.G. "Poema 'Dvenadsat' i mirovozzrenie A. Bloka epokhi revoliutsii" ["The Poem 'Twelve' and A. Blok's Worldview in the Era of the Revolution"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*, issue 3. Tartu, Tartu University Publ., 1960, pp. 247–278. (In Russ.)

20. Peregudova, Z.I. "Chrezvychainaia sledstvennaia komissiiia dlia rassledovaniia protivozakonnnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok" ["Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry to Investigate the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok"]. Blok, A.A. *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti [The Last Days of Imperial Power]*. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012, pp. 298–365. (In Russ.)

21. Peregudova, Z.I. "Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii dlia rassledovaniia protivozakonnnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok" ["Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry to Investigate the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok"]. *Puti i vybor istorika: K 80-letiiu professora V.V. Shelokhaeva [Ways and Choices of a Historian: To the 80th Anniversary of Professor V.V. Shelokhaev]*. Moscow, Rosspen Publ., 2021, pp. 467–514. (In Russ.)

22. *Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok* [The Last Days of Imperial Power. Compiled by Alexander Blok According to Unpublished Documents]. Petersburg, Alkonost Publ., 1921. 168 p. (In Russ.)

23. Rein, E.F. *Iz perezhitogo, 1907–1918: v 2 t.* [From the Experienced, 1907–1918], vol. 2. Berlin, Parabola Publ., [1935]. 312 p. (In Russ.)

24. Romanov, A.F. “Imperator Nikolai II i Ego Pravitel’stvo: (Po dannym Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii)” [“Emperor Nicholas II and His Government: (According to the Extraordinary Commission of Inquiry)”. *Russkaia letopis’*, book 2, pp. 1–38. (In Russ.)

25. Spivak, M.L. “K voprosu ob istochnikakh kharakteristik v ‘Poslednikh dnyakh imperatorskikh vlasti’ A.A. Bloka: ‘Tsar’, imperatritsa, Vyubova, Rasputin’ i ‘nedruzheni... Sovet ministrov’.” [“On Sources of Characteristics in the ‘Last Days of Imperial Power’ by A.A. Blok: ‘Tsar, Empress, Vyubova, Rasputin’ and ‘Unfriendly...The Council of Ministers’.”] Polonsky, V.V., editor. *Perelom 1917 goda: Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury: Issledovaniia i materialy* [The Turning Point of 1917: The Revolutionary Context of Russian Literature: Research and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 113–129. (In Russ.)

26. Storozhev, V.N. “Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok” [“The Last Days of Imperial Power. Compiled by Alexander Blok According to Unpublished Documents”]. *Pechat’ i revoliutsiia*, no. 1, 1922, pp. 243–244. (In Russ.)

27. Taneeva (Vyubova), A.A. *Stranitsy moei zhizni* [Pages of My Life]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.12.2024

Одобрена после рецензирования: 17.02.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 10.12.2024

Approved after reviewing: 17.02.2025

Date of publication: 25.06.2025